СКРОМНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОНЕ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ . ЧАСТЬ 1

СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ

В российском экспертном сообществе и медийном пространстве распространена точка зрения о необыкновенном росте рождаемости в России, который свидетельствует о положительных результатах действия специальных мер по материальному стимулированию рождаемости, принятых государством после 2006 г.

Точка зрения автора статьи более сдержана. Некоторые положительные подвижки действительно имеются, но значимость их совершенно недостаточна, чтобы смотреть на будущее российской рождаемости и воспроизводство населения страны с оптимизмом.

В статье дается общий обзор тенденций основных характеристик рождаемости за несколько десятилетий включая данные за 2014 г. Автор продолжает свои прежние исследования в области углубленного демографического анализа российской рождаемости и методологии анализа показателей рождаемости для реальных поколений с целью получения более надежных перспективных оценок.

Статья состоит из двух взаимосвязанных частей.

В этом номере журнала автор рассматривает показатели рождаемости для условных поколений (календарных лет) с учетом новейших изменений в структурных характеристиках российской модели рождаемости, произошедших за последние несколько десятилетий.

Во второй части статьи, которую читатель найдет в следующем номере журнала, речь пойдет о показателях рождаемости для реальных поколений женщин, фактическая и ожидаемая репродуктивная активность которых приходится на вторую половину XX – первые десятилетия XXI века.

Ключевые слова: *рождаемость, очередность рождения, рождаемость условных поколений, рождаемость реальных поколений, прогноз рождаемости, демографическая политика, пронаталистская семейная политика в России.*

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХАРОВ (szakharov@hse.ru), НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ.

Статья подготовлена по результатам исследовательского проекта «ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В 2005-2015 ГГ. В КОНТЕКСТЕ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ», ВЫПОЛНЕННОГО В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НИУ ВШЭ В 2016 Г.

Статья поступила в редакцию в АПРЕЛЕ 2016 Г.

ВВЕДЕНИЕ

В российском обществе распространена поддерживаемая рядом экспертов точка зрения о значительном росте рождаемости в России, который свидетельствует о положительных результатах действия специальных мер по ее повышению. Напомним, что отправной точкой активизации демографической политики стало послание Президента Путина Федеральному Собранию (10 мая 2006 г.), в котором было заявлено о программе материального стимулирования рождаемости¹. В 2007 г. в России были существенно увеличены пособия в период отпуска по уходу за ребенком до полутора лет, а также введены такие пособия для неработающих женщин, расширились льготы, снижающие оплату услуг в детских дошкольных учреждениях, а также появилась такая инновационная мера, как широко известный «материнский капитал» для родивших второго ребенка (третьего и последующего, если рождение второго ребенка произошло до 2007 г.). Именно этой мере многими специалистами и политиками придается значение особого стимула для рождения детей. В дальнейшем все финансовые меры ежегодно индексировались с учетом инфляции, что беспрецедентно в российской истории, а сам спектр льгот и стимулов расширялся и обретал региональную специфику (См.: [Население России... 2010; 2011; 2014; 2015]).

Министр труда и социальной защиты РФ М. Топилин в феврале 2016 г. заявил, что на старте демографической программы в 2006 г. коэффициент суммарной рождаемости был равен 1,3, а «в 2015 году этот показатель составил 1,8, что превышает показатели большинства европейских стран. Мы близки к тому, чтобы обеспечивать нормальное воспроизводство населения»². Имеют ли демографы достаточные основания, чтобы поддерживать повышенный оптимизм, свойственный сегодня политикам и чиновникам разного уровня?

В моих предыдущих работах последовательно излагались результаты: а) описательного анализа социологических данных, показывающих изменения намерений и степень их реализации в отношении рождения детей по результатам трех волн выборочного исследования РидМиЖ/RusGGS³, проведенного в 2004, 2007 и 2011 гг. [Население России... 2013: 309-317]; б) анализа различных статистических индикаторов, призванных

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации //Российская газета - Федеральный выпуск №4063. 11.05.2006. URL: <http://rg.ru/2006/05/11/poslanie-dok.html> (дата обращения 04.04.2016).

² Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <http://www.rosmintrud.ru/social/290> (дата обращения 20.02.2016).

³ «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ/RusGGS) является частью международного исследовательского проекта сравнительных исследований «Generations and Gender Programme» («Программа поколения и гендер»), координатором которого выступает Европейская экономическая комиссия ООН при поддержке международного консорциума научно-исследовательских центров (См: <http://www.unecsc.org/ead/pau/ggp/Welcome.html>). Всего в России было проведено три волны опроса в 2004, 2007 и 2011 г., в каждой из которых было опрошено более 11 тыс. респондентов обоего пола в возрасте 18 лет и старше (панельная составляющая опрошенных повторно в 2007 и 2011 г. – более 7 тыс.), представляющих городское и сельское население 32 субъектов Российской Федерации, включая Москву и Санкт-Петербург. В России исследование РидМиЖ/RusGGS координировалось Независимым институтом социальной политики (НИСП, Москва), директор программы – О.В. Синявская, научный руководитель – С.В. Захаров. Полевая часть исследования проведена Независимой исследовательской группой «Демоскоп» (руководители - П.М. Козырева и М.С. Косолапов) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации, Научного Общества Макса Планка (Германия), Сбербанка и др. Дополнительную информацию о проекте, публикациях см: http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml.

оценивать текущий уровень рождаемости с позиции ожидаемого уровня итоговой рождаемости поколений, находящихся в активных репродуктивных возрастах, а также анализа фактических изменений в показателях итоговой рождаемости для реальных поколений (когорт женщин по году рождения) [Население России 2013: 318-324; Население России... 2014: 131-153; Фрейка, Захаров 2014].

Главный вывод из предыдущего анализа сводится к тому, что ни сами намерения россиян, ни их реализация на массовом уровне не изменились существенным образом под влиянием действия мер пронаталистской политики. Некоторые положительные подвижки в репродуктивных установках имеются, но значимость их совершенно недостаточна, чтобы смотреть на будущее российской рождаемости с оптимизмом. Изменения статистических индикаторов уровня рождаемости, более совершенных, чем коэффициент суммарной рождаемости для календарных лет (для условных поколений), которым чаще всего безосновательно пользуются для фиксации эффекта от политики, также приглушали восторг от видимого «роста рождаемости».

Наши выводы, базирующиеся на анализе «макродемографических» и «макросоциологических» данных, получили поддержку со стороны исследователей, анализирующих современные тенденции рождаемости в России эконометрическими методами на основе микроданных выборочных социологических исследований [Chirkova 2013; Слонимчик, Юрко 2015; Biryukova, Sinyavskaya, Nurimanova 2016]. В этих и некоторых других работах было показано, что воздействие программы материнского капитала и других мер, введенных в действие в 2007 г., на репродуктивное поведение россиян хотя и положительно, но достаточно слабое⁴. И что, возможно, более важно: полученные эффекты трудно отделить, с одной стороны, от так называемых тайминговых эффектов, вызванных конъюнктурным изменением календаря рождений и не приводящих к изменению итоговой рождаемости поколений, и, с другой стороны, от эффектов, связанных с долговременной трансформацией возрастной модели рождаемости, которая, в свою очередь, может быть не связана, а может и связана с изменением итоговой рождаемости поколений.

В данной работе я продолжаю демографический анализ российской рождаемости на основе официальных данных Росстата, включающих новейшие к моменту написания статьи окончательные данные за 2014 г. В статье дается общий обзор тенденций основных характеристик рождаемости за несколько десятилетий и обсуждаются эффекты, которые могут интерпретироваться как возможный результат пронаталистской семейной политики,

⁴ Так, Ф. Слонимчик и А. Юрко оценивают ожидаемый долгосрочный эффект от политики материнского капитала на уровне 0,15 рождений в расчете на одну женщину условного поколения. Этот результат они получили, используя различные динамические структурные модели рождаемости, которые они применили к панельным данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (осуществляется НИУ Высшая школа экономики и ЗАО «Демоскоп» в России при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины в Чапел Хилл, США) [Слонимчик, Юрко 2015]. В работе С. Чирковой, базирующейся на тех же данных, делается вывод о вкладе новых мер политики в увеличении вероятности рождения второго ребенка в размере 2,2 процентных пункта [Chirkova 2013]. Сходный результат в отношении увеличения доли женщин, родивших второго ребенка, был получен на данных РИДМЖ [Biryukova, Sinyavskaya, Nurimanova 2016: 11-12].

а также развивается методологический аппарат анализа показателей рождаемости для реальных поколений с целью получения более надежных перспективных оценок.

В начале статьи внимание уделяется изменениям чисел рождений в России под влиянием сдвигов в структуре населения по возрасту, брачному состоянию и положению в гражданстве. Далее анализируется трансформация модели рождаемости в России в разрезе возраста женщин и очередности рождения сначала для условных, а затем для реальных поколений. В завершающей части исследования оцениваются перспективы итоговой величины рождаемости для реальных поколений, находящихся сегодня на пике прокреативной деятельности, и показывается, в какой мере наблюдаемый уровень рождаемости обеспечивает замещение поколений и воспроизводство населения России в целом.

1. ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛА РОЖДЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ СТРУКТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НАСЕЛЕНИЯ: СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ПО ВОЗРАСТУ, ПОЛОЖЕНИЮ В ГРАЖДАНСТВЕ И БРАЧНОМУ СТАТУСУ⁵

В 1999 г. число рождений в России достигло исторического минимума – 1214,7 тыс. (без учета рождений в Чеченской Республике, в которой демографические события в те годы не регистрировались в установленном порядке⁶). В 2000-2014 гг. число рождений в России увеличивалось (исключение – 2005, 2013 г.). Сопоставимое число живорождений в 2014 г. – 1880,5 тыс. (т.е. без рождений в Чеченской Республике) – стало намного большим, чем в 1999 г., оно выросло на 665,8 тыс. или на 54,8%.

Годовой прирост рождений был наиболее высок в 2007 г. – 8,7%. Далее в 2008 – 2011 гг. темпы прироста быстро падали – соответственно 6,4; 2,8; 1,5; 0,4%. Однако 2012 г. вновь принес очень весомый прирост новорожденных – 105,5 тыс. (5,9%). В 2013 г. число рождений впервые за продолжительный период времени снизилось на 6,3 тыс. или на 0,3%, а в 2014 г. вновь заметно подросло на 17,7 тыс. (на 0,9%) и достигло 1913,5 тыс., что практически означает возврат к уровню 1990 г.

Увеличению числа рождений на протяжении последних двух десятилетий способствовала благоприятная возрастная структура населения: суммарная численность

⁵ Здесь и далее, если не оговорено особо, анализируются официальные статистические данные Росстата по Российской Федерации без Крыма.

⁶ В 1993-2002 гг. регистрация рождений (как и других демографических событий) в Чечне либо отсутствовала вообще, либо была отрывочной. За 1993-1994 гг. отсутствуют также данные по Ингушетии, которые с 1995 г. вновь включаются в общий свод данных по стране. Начиная с 2003 г. Росстат смог публиковать данные по России с включением рождений, зарегистрированных на территории Чечни. Правда, в 2003 г. общее число рождений в Чеченской Республике не было распределено по возрасту матери, и при расчете более детальных показателей (коэффициентов по возрасту матери, коэффициента суммарной рождаемости) данные по Чечне не были приняты во внимание (исключены, соответственно, и из числителя – число рождений, и из знаменателя – среднегодовая численность женщин). Данные о рождаемости в Чечне полноправно присутствуют в официальных демографических расчетах лишь с 2004 г. Правда, полнота и качество этих данных остается под вопросом и сегодня. Таким образом, в расчетах относительных демографических показателей (возрастных коэффициентов рождаемости, смертности, брачности и разводимости) полностью исключены в 1993-1994 гг. Чечня и Ингушетия, в 1993-2003 гг. – Чечня.

женщин в основных репродуктивных возрастах (от 20 до 35 лет) с начала 2000-х годов находилась в фазе роста, что положительно влияло и на число браков, и на число рождений. Правда, численность отдельных детородных возрастных групп в последние годы меняется в противофазе: число молодых женщин до 25 лет быстро сокращается, что уменьшает потенциальное число рождений, а число женщин старше 25 лет все еще продолжает увеличиваться, оказывая положительное влияние. Увеличение числа женщин в старших репродуктивных возрастах в современной России более важно для прироста рождений, чем женщин в возрасте до 25 лет, поскольку средний возраст материнства в последние 15 лет имел тенденцию к повышению вслед за средним возрастом вступления в брак и превысил 28 лет в 2014 г. Сопряженное увеличение числа потенциальных матерей в возрастах 25 лет и старше и интенсивности рождаемости в этих возрастах обеспечивало прирост рождений с 2000 по 2014 г. который был достигнут в основном за счет более поздних рождений у женщин в возрасте 25 лет и старше, вклад же более молодых женщин за этот период был отрицательным.

Но сейчас рост числа женщин с растущей рождаемостью подошел к концу: численность ключевой группы 25-29-летних женщин достигла максимума в 2012 г., после чего начала сокращаться и уже к 2017 г. уменьшится более чем на 1 млн, т.е. станет меньше, чем она была в 2000 г. Для 30-34-летних точкой перелома станет 2018 г. В 2012 г. суммарная численность женщин 20-39 лет начала снижаться, и поддерживать нынешнее число рождений при быстром сокращении числа потенциальных матерей едва ли будет возможно.

Изменение числа рождений обычно справедливо связывают с меняющимся числом вновь создающихся брачных пар и со сдвигами в брачной структуре населения. При этом исходят из того, что лица, находящиеся в браке, традиционно более склонны к рождению детей. В последние десятилетия в связи с массовым распространением супружеских союзов, не основанных на официальном браке (сожительств), жесткая связь рождаемости с тенденциями зарегистрированной брачности может быть поставлена под сомнение, на что, в частности, указывает динамика доли внебрачных рождений.

Снижение и рост общего числа рождений в России в послевоенное время сопровождался как ростом, так и снижением доли внебрачных рождений. В какие-то периоды изменения этих показателей были синхронными, а в какие-то – асинхронными, как, например, во второй половине 1990-х годов, когда число внебрачных рождений быстро увеличивалось, а общее число рождений снижалось.

В последнее десятилетие на фоне общего роста числа рождений в России наблюдается сокращение доли детей, рожденных вне официального брака (2005 г. – 30,0%, 2014г. – 22,7%) при относительной стабилизации ежегодного числа внебрачных рождений на уровне 430-450 тыс. (рисунок 1) и снижении доля тех из них, которые регистрируются по заявлению только матери (2007 г. – 56,5%, 2014 г. – 49,7%). Соответственно в общем числе родившихся увеличивается и доля брачных рождений, и доля детей с признанным отцовством (таблица 1). В 2013-2014 гг., впервые в истории России, доля внебрачных рождений, зарегистрированных на основе совместного заявления родителей, превысила долю рождений, зарегистрированных на основе заявления одинокой матери. По сравнению с 1970 г., когда в России фиксировалось примерно такое же общее годовое число рождений,

что и в 2012-2014 гг. (1,9 млн), структура родившихся по статусу отношений между родителями существенным образом изменилась (таблица 1): доля внебрачных рождений сейчас выше в 2 раза, а среди внебрачных рождений преобладают те, которые регистрируются на основе декларации о признании отцовства – совместного заявления матери и отца (в эту же категорию, правда, относят и рождения, в отношении которых отцовство было установлено на основании решения суда).

Рисунок 1. Число родившихся вне зарегистрированного брака, тыс. (левая ось) и их доля в общем числе родившихся, % (правая ось), Россия, 1958-2014

Источники: [Демографический ежегодник России 2015]; неопубликованные данные Росстата и расчеты автора на их основе.

Как показывают выборочные исследования, подавляющее большинство детей с признанным отцовством фактически проживают в семье с обоими родителями, а причины, по которым родители не регистрируют брак, весьма многообразны в силу разнообразия характера отношений между родителями, их формального и фактического брачного статуса (родители могут, например, официально состоять в браке с другими лицами), конкретных жизненных условий и обстоятельств наступления беременности и появления ребенка на свет. Так или иначе, доля детей раннего возраста, воспитываемых обоими биологическими родителями, судя по вышеприведенным данным, не уменьшается, а возможно даже и увеличивается, что, соответственно, положительно сказывается на условиях их социализации с точки зрения гендерной сбалансированности.

Таблица 1. Родившиеся в браке и вне брака, в том числе по типу документа, лежащего в основе регистрации, Россия⁷, 1980, 1990, 1995, 2000, 2005-2014

Год	Всего, тыс.	В том числе родившиеся:		Доля рождений вне зарегистрированного брака, %	Внебрачные рождения, зарегистрированные на основании, тыс.:		Доля рождений, зарегистрированных по заявлению одной матери в общем числе внебрачных рождений, %
		в зарегистрированном браке	вне зарегистрированного брака**		совместного заявления матери и отца	заявления одной матери**	
1970	1903,7	1702,5	201,2	10,6	82,5	118,8	59,0
1980	2202,8	1965,2	237,6	10,8	90,7	146,9	61,8
1990	1988,9	1698,3	290,6	14,6	124,2	166,4	57,2
1995*	1363,8	1075,5	288,3	21,1	124,2	164,1	56,9
2000*	1266,8	912,5	354,3	28,0	167,3	187,0	52,8
2005	1457,4	1020,3	437,1	30,0	200,4	236,6	54,1
2006	1479,6	1048,1	431,5	29,2	189,9	241,6	56,0
2007	1610,1	1159,3	450,8	28,0	195,9	254,9	56,5
2008	1713,9	1253,5	460,4	26,9	202,8	257,6	55,9
2009	1761,7	1302,3	459,3	26,1	200,6	258,8	56,3
2010	1788,9	1344,1	444,9	24,9	199,2	245,7	55,2
2011	1796,6	1355,1	441,5	24,6	205,8	235,7	53,4
2012	1902,1	1448,6	453,5	23,8	215,5	238,0	52,5
2013***	1895,8	1451,0	444,9	23,5	218,8	226,1	50,8
2014	1913,5	1479,6	433,9	22,7	218,2	215,7	49,7
2014/2013	1,009	1,020	0,975	-	0,997	0,954	-

Источник: [Демографический ежегодник России 2015], неопубликованные данные Росстата и расчеты автора на их основе.

Примечания:

* - Без данных по Чечне.

** - Включая рождения с неизвестным юридическим статусом родителей (отказники, подкидыши и пр.). Такие новорожденные регистрируются по представлению государственных ведомств (Минздрав, МВД).

*** - Включая родившихся в Чечне, не распределенных по брачному состоянию матери. См.: [Демографический ежегодник России 2015: примечание к табл. 4.5].

Подробную ежегодную динамику за 1958-2011 г. см.: [Захаров, Чурилова 2013: 113-114].

Изменение структуры родившихся в пользу брачных или внебрачных рождений в России по-прежнему определяется главным образом тенденциями интенсивности заключения браков, в особенности первых браков, число которых с начала 2000-х годов повышается. В то же время соотношение коэффициентов рождаемости у лиц, состоящих и не состоящих в браке - собственно брачной и внебрачной рождаемости - меняется в последние годы, видимо, также в пользу пар, состоящих в зарегистрированном браке⁸.

⁷ Здесь и далее все статистические данные приводятся для территории России без Крыма.

⁸ См. оценку возрастных коэффициентов брачной и внебрачной рождаемости, которые корректным образом могут быть выполнены в России только на основе переписей населения и крупных выборочных исследований: [Население России... 2014: 121-130].

Однако роль второго фактора в изменении структуры родившихся по брачному состоянию матери существенно менее значима по сравнению с увеличением числа брачных пар. Если в 1990-х годах в России наблюдалось быстрое снижение интенсивности заключения браков, главным образом за счет откладывания женщинами и мужчинами своих первых браков, то с начала 2000-х годов число заключающих браки, несмотря на колебания в отдельные годы, переживало компенсаторный подъем (рисунок 2), свидетельствующий об успешной массовой реализации отложенных браков в более позднем возрасте. Более молодые поколения также стремятся формировать свои семьи позднее, чем прежде, как правило, после 25 лет. Важно отметить, что абсолютная численность мужчин и женщин в возрастах 25-39 лет в России находится, как уже говорилось, в фазе роста. В результате за полтора прошедших десятилетия число браков существенно выросло (и в абсолютном, и в относительном измерении), брачная структура населения значительно улучшилась, что не замедлило положительно сказаться на числе брачных рождений и российской рождаемости в целом. Однако очевидно, что положительный потенциал для роста рождений, заключенный в возрастной и брачной структуре населения, практически исчерпан (число браков уже начало снижаться) и в ближайшее десятилетие влияние этих факторов будет негативным.

Рисунок 2. Общий коэффициент брачности (левая ось) и коэффициент суммарной брачности для первых браков у женщин (правая ось), Россия, 1961-2014

Источник: [Демографический ежегодник России 2000; 2015]; расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Примечание: ОКБ – общий коэффициент брачности на 1000 населения; КСБ1 – коэффициент суммарной брачности для первых браков на 1000 женщин к возрасту 50 лет. Для периода 1997-2010 гг. КСБ1 представляет собой авторскую интерполяционную оценку, опирающуюся на возрастные коэффициенты брачности для укрупненных возрастных групп, принятых Росстатом для ежегодной разработки данных о числе вступающих в брак в этот период. См.: [Население России... 2006: 207-210; Население России... 2013: 231-234].

Судя по имеющимся данным за 2011-2014 гг. (за более ранние годы детальной информацией Росстат не располагает), вклад семей, в которых оба родителя – российские граждане, в общее число рождений в России остается стабильным – около 85% (таблица 2). Однако не исключено, что эта стабильность – временная. Обращает на себя внимание устойчивый и быстрый рост числа рождений (более чем на 20% ежегодно в 2012-2014 гг.) у родителей-иностранцев, а также прирост рождений в достаточно многочисленной категории семей, в которых мать новорожденного – гражданка России, а отец – гражданин другого государства (прирост составил 21% в 2012 г., 12% - в 2013 г., 13% - в 2014). Немного отстают и ежегодный прирост новорожденных, у которых отец - гражданин России, а мать иностранка: в 2012 г. прирост рождений данной категории составил 27%, в 2013 г. – 11%, в 2014 г. – 9% (таблица 3). Причем в сельских рождениях в большей пропорции, чем в городских, присутствуют новорожденные, у которых один или оба родители не являются гражданами России: среди городских жителей в 2014 г. рождения у иностранных граждан составили 14,4%, а среди сельских – 16,2%.

Рассмотрим более подробно структурные изменения в рождениях по статусу гражданства родителей по всем годам, для которых имеются соответствующие данные. Весомый общий прирост рождений за 2012 г. имел однородную структуру и охватил все категории гражданства родителей без исключений. По абсолютному значению прироста доминировали, как и можно было ожидать, семьи, в которых оба родителя имеют российское гражданство - 79,6 тыс. или 75,5% из общего годового прироста в 105,5 тыс. новорожденных. В то же время наибольшие темпы прироста продемонстрировали родители со смешанным гражданством (только отец или только мать – граждане РФ), а также родители, оба из которых являются гражданами других государств (таблица 3). Вклад иностранных граждан (до ¼ от общего прироста 2012 г.) следует признать очень весомым.

Обращает на себя внимание факт, что снижение числа рождений в 2013 г. произошло главным образом у матерей с российским гражданством, не указавших какое-либо конкретное гражданство отца ребенка – видимо, это матери-одиночки (число рождений у данной категории матерей сократилось на 9,4 тыс.). Весомым было также сокращение рождений в семьях, где оба родителя обладают российским гражданством (на 3 тыс.). Изменение чисел новорожденных у лиц прочих категорий родителей по положению в российском гражданстве имело в 2013 г. мозаичную картину – одни категории увеличивали свой вклад в общее число зарегистрированных рождений, другие сокращали (таблица 2). Однако если говорить в целом, то иностранные граждане существенно притормозили сокращение общего числа рождений в стране в 2013 г., и если бы не их растущий вклад, то число рождений в России сократилось бы сильнее.

В увеличении числа рождений в 2014 г. вклад иностранных граждан оказался еще более значимым - 29% от общего прироста, причем опережающими темпами продолжают увеличиваться числа рождений именно в семьях, в которых либо один, либо оба родителя имеют иностранное гражданство. В то же время рождения у родителей с неопределенным статусом гражданства уменьшаются.

Таблица 2. Число рождений у родителей с различным статусом российского гражданства, Россия, 2011-2014

Статус	2011		2012		2013		2014	
	число рождений	%	число рождений	%	число рождений	%	число рождений	%
Оба родителя - граждане РФ	1531076	85,22	1610632	84,68	1607665	84,80	162852	85,08
Мать - гражданка РФ, отец - гражданин другого государства	16929	0,94	20425	1,07	22831	1,20	25823	1,35
Мать - гражданка РФ, отец – лицо без гражданства	187	0,01	251	0,01	262	0,01	166	0,01
Мать - гражданка РФ, отец – гражданство не указано	212672	11,84	224547	11,81	215188	11,35	204812	10,7
Отец - гражданин РФ, мать - гражданка другого государства	15689	0,87	19874	1,04	22036	1,16	24080	1,26
Отец - гражданин РФ, мать – лицо без гражданства	138	0,01	279	0,01	196	0,01	126	0,01
Отец - гражданин РФ, мать – гражданство не указано	746	0,04	1770	0,09	1185	0,06	1084	0,06
Оба родителя – граждане другого государства	9784	0,54	12609	0,66	15438	0,81	18647	0,97
Прочие	9408	0,52	11697	0,61	11021	0,58	1084	0,56
Итого зарегистрировано в России:	1796629	100,0	1902084	100,0	1895822	100,0	1913472	100,0

Источник: Неопубликованные данные Росстата, расчеты автора.

Нельзя не заметить некоторую странность в динамике числа рождений в зависимости от статуса гражданства родителей, которые, по-видимому, являются следствием неизвестных нам особенностей в регистрационной практике как детей, родившихся в семьях мигрантов, так и миграционного статуса их родителей. Это касается, прежде всего, тренда рождений у родителей с неопределенным статусом в гражданстве. Так, в 2014 г. более чем на 10 тыс. уменьшилось число детей, родившихся у матерей-гражданок РФ при неизвестном статусе гражданства отцов (таблица 3). В 2013 г. эта категория родителей также демонстрировала снижение более чем на 9 тыс., а в 2012 г., напротив, имелось существенное повышение – почти на 12 тыс. (таблица 3). В 2013 г. эта категория новорожденных, по сути, обеспечила провал общего числа рождений в стране, а в 2012 г. на 15% способствовала его приросту.

Ребенок, у которого в регистрационных формах указано только гражданство матери, родился, как правило, вне брака и в подавляющем большинстве случаев – у «одиноким матери», которая по тем или иным причинам не регистрирует ребенка на основе совместного заявления родителей, свидетельствующего о признании отцом этого ребенка своим. В действительности мы не знаем, является ли его биологический отец российским гражданином или нет. Тем не менее можно констатировать, что мигранты сегодня вносят заметный и растущий вклад в общую рождаемость в стране и в изменение числа внебрачных рождений, в частности. Однако переменчивое законодательство, касающееся натурализации мигрантов, меняющаяся регистрационная практика в отношении мигрантов и их детей заставляет пока с большой осторожностью относиться к изменениям, выявляемым на основе официальной статистики.

Таблица 3. Абсолютный и относительный годовой прирост рождений у родителей с различным статусом российского гражданства, Россия, 2011-2012, 2012-2013, 2013-2014 гг.

	Прирост за 2011 - 2012		Прирост за 2012 - 2013		Прирост за 2013 - 2014	
	абс.	относительно 2012/2011	абс.	относительно 2013/2012	абс.	относительно 2013/2012
Оба родителя - граждане РФ	79556	1,052	-2967	0,998	20387	1,013
Мать - гражданка РФ, отец - гражданин другого государства	3496	1,207	2406	1,118	2992	1,131
Мать - гражданка РФ, отец – лицо без гражданства	64	1,342	11	1,044	-96	0,634
Мать - гражданка РФ, отец – гражданство не указано	11875	1,056	-9359	0,958	-10376	0,952
Отец - гражданин РФ, мать - гражданка другого государства	4185	1,267	2162	1,109	2044	1,093
Отец - гражданин РФ, мать – лицо без гражданства	141	2,022	-83	0,703	-70	0,643
Отец - гражданин РФ, мать – гражданство не указано	1024	2,373	-585	0,669	-101	0,915
Оба родителя – граждане другого государства	2825	1,289	2829	1,224	3209	1,208
Прочие	2289	1,243	-676	0,942	-339	0,969
Всего	105455	1,059	-6262	0,997	17650	1,009

Источник: Неопубликованные данные Росстата, расчеты автора.

Показатель, не зависящий от половозрастной структуры населения, - коэффициент суммарной рождаемости (итоговое число рождений в расчете на одну женщину условного поколения, КСР) – говорит о том, что в России в 1999-2014 гг. (кроме 2005 г.) происходило увеличение интенсивности деторождения как в городской, так и в сельской местности, но вплоть до 2006 г. прирост показателя в городской местности опережал таковой в сельской (таблица 4).

В 2007 г. впервые прирост КСР в сельской местности (на 0,2 ребенка на одну женщину) двукратно превысил прирост рождаемости у городского населения (0,08). В 2008-2009 гг. темпы роста коэффициента суммарной рождаемости снижались и в городской местности, и в сельской, но на селе более интенсивно. В 2010-2014 гг. рост КСР в городах был едва заметен (в 2011 г. увеличение рождаемости в городской местности и вовсе не произошло), в то время как в сельской местности, напротив, мы наблюдали значимый прирост показателя (таблица 4). В итоге за весь период с 1999 г. (точка минимума КСР) по 2014 г. КСР в городской местности увеличился на 0,55, а в сельской местности – на 0,81 ребенка на одну женщину.

Если в начале 1990-х годов итоговая рождаемость условного поколения у сельских жителей была выше, чем у городских, примерно на 0,9 рождения в расчете на одну

женщину, то к 2005 г. разрыв между сельской и городской местностью сократился до 0,39, т.е. более чем в 2 раза. В 2006-2014 гг. различия в КСР между городской и сельской местностью увеличивались в силу опережающего роста показателей на селе и в 2014 г. достигли 0,75 ребенка на 1 женщину, что свидетельствует о постепенном возврате к ситуации, устойчиво поддерживавшейся в течение десятилетий с середины 1960-х до первой половины 1990-х годов, когда различия в значениях показателя между городским и сельским населением были в районе 0,8-0,9 (авторские оценки после устранения неточностей в оценках КСР для городского и сельского населения, возникающих из-за погрешностей в расчетах численности городского и сельского населения в межпереписной период [Захаров, Иванова 1996]).

Таблица 4. Итоговая (суммарная) рождаемость, на одну женщину условного поколения, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995-2014

Год	Все население	Городское население	Сельское население
1980	1,89	1,70	2,51
1985	2,05	1,86	2,67
1990	1,89	1,70	2,60
1995	1,34	1,19	1,81
1996	1,27	1,14	1,70
1997	1,22	1,10	1,62
1998	1,23	1,11	1,64
1999	1,16	1,04	1,53
2000	1,19	1,09	1,55
2001	1,22	1,12	1,56
2002	1,28	1,19	1,63
2003	1,32	1,22	1,66
2004	1,34	1,25	1,65
2005	1,29	1,21	1,58
2006	1,30	1,21	1,60
2007	1,42	1,29	1,80
2008	1,50	1,37	1,91
2009	1,54	1,41	1,94
2010	1,57	1,44	1,98
2011	1,58	1,44	2,06
2012	1,69	1,54	2,21
2013	1,71	1,55	2,27
2014	1,75	1,59	2,34

Источник: Расчеты автора с использованием неопубликованных исходных данных Росстата.

Примечание: Расчет на основе однолетних возрастных коэффициентов с учетом пересчета численности населения после переписей населения 1989, 2002 и 2010 г. В 1995-2003 гг. – без Чеченской Республики.

2. ТОРМОЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СТАРЕНИЯ МАТЕРИНСТВА В РОССИИ

И прирост, и убыль числа рождений далеко не всегда пропорциональны приросту и убыли числа женщин, так как одновременно может меняться интенсивность рождаемости в разных возрастах. В России более двух десятилетий наблюдались изменения возрастного профиля рождаемости в сторону его «постарения», что соответствовало общемировой тенденции, возникшей в конце 1960-х – начале 1970-х годов в странах Северной и Западной Европы, и к которой Россия и ее соседи по Восточной и Центральной Европе

присоединилась с опозданием более чем на два десятилетия [Bosveld 1996; Sobotka 2004; 2011; Frejka et al. 2008]. На протяжении долгой истории в России наибольшей рождаемостью отличались женщины в возрасте 20-24 года. Но в 1990-е годы, когда число женщин этого возраста увеличивалось, рождаемость у них быстро падала. В это же время еще более значительно упали коэффициенты рождаемости у матерей моложе 20 лет (таблица 5). Затем снижение рождаемости у матерей до 25 лет затормозилось, но стала устойчиво увеличиваться рождаемость у женщин 30-34 лет, а с 2000 г. – у женщин 25-29 лет. В 2008 г. эта возрастная группа женщин впервые превзошла по уровню рождаемости группу 20-24 года, и разрыв между ними стал нарастать. Рождаемость в возрастной группе 30-34 года, увеличившись более чем в 2 раза с конца 1990-х годов, не только превысила предыдущий пиковый уровень 1980-х годов, но и практически сравнялась с рождаемостью 20-24-летних. Еще более высокими темпами увеличивалась рождаемость у женщин старше 35 лет – рост за полтора десятилетия более чем в 3,5 раза (таблица 5).

Таблица 5. Возрастные коэффициенты рождаемости, 1980, 1985, 1990, 1995, 1999-2014 гг., Россия, на 1000 женщин соответствующего возраста

Год	Возрастная группа						
	15-19*	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49**
1980	43,8	157,8	100,8	52,1	17,4	4,9	0,4
1985	47,2	165,0	112,9	59,7	23,3	3,6	0,3
1990	55,0	156,5	93,1	48,2	19,4	4,2	0,2
1995	44,8	112,7	66,5	29,5	10,6	2,2	0,1
1999	28,9	91,8	63,7	32,2	11,1	2,2	0,1
2000	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1
2001	27,3	93,1	70,2	38,0	12,9	2,4	0,1
2002	27,3	95,3	74,8	41,6	14,6	2,6	0,1
2003	27,6	95,1	78,3	44,1	16,0	2,7	0,1
2004	28,2	94,2	80,1	45,8	17,6	2,9	0,1
2005	27,4	88,4	77,8	45,3	17,8	3,0	0,2
2006	28,2	87,8	78,4	46,6	18,6	3,1	0,2
2007	28,3	89,5	86,9	54,1	22,7	3,9	0,2
2008	29,3	91,2	92,4	60,0	25,8	4,6	0,2
2009	28,7	90,5	95,9	63,6	27,6	5,2	0,2
2010	27,0	87,5	99,2	67,3	30,0	5,9	0,3
2011	27,4	88,0	99,5	67,8	31,1	6,2	0,3
2012	27,4	91,2	106,6	74,3	34,9	7,0	0,3
2013	26,7	89,9	107,5	76,2	36,8	7,4	0,4
2014	26,1	89,6	110,1	79,9	39,0	8,1	0,4
2014/1999***	0,905	0,976	1,728	2,480	3,507	3,609	3,606
2014/2013***	0,980	0,997	1,024	1,049	1,060	1,082	1,211

Источник: расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Примечания:

* – Включая родившихся у матерей моложе 15 лет.

** – Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

*** – В расчетах темпов роста использованы более точные значения исходных показателей, чем приведенные в таблице с округлением до одного знака после запятой.

Такая последовательность изменений в возрастных коэффициентах рождаемости свидетельствует о том, что в трудные для российского общества 1990-е годы происходило интенсивное откладывание рождений в реальных поколениях, а в 2000-х годах эти поколения наверстывали упущенное время – отложенные рождения усиленно

реализовывались [Фрейка, Захаров 2014]. К этому процессу добавилась более принципиальная и, под историческим углом зрения, совершенно новая для России тенденция – не вынужденное, а целенаправленное формирование семей во все более позднем возрасте, проявившее себя в поколениях россиян, родившихся во второй половине 1960-х годов и позднее. Начало процесса деторождения в возрастах старше 25 лет для женщин все более становится социальной нормой. В результате мощных и последовательных подвижек в календаре рождений у поколений матерей 1960-х, 1970-х и 1980-х годов рождения мы и наблюдаем не только рост рождаемости у женщин старших возрастных групп, но и пятнадцатилетний рост итоговой (суммарной) величины рождаемости для условных поколений. В то же время итоговая рождаемость реальных поколений россиян меняется существенно менее значимо, о чем пойдет речь ниже, что и выдает преимущественно «календарную природу» увеличения КСР.

Если взглянуть на детальную картину изменения коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп женщин (рисунок 3), то становится очевидным, что известные меры государственной политики по стимулированию рождаемости, принятые в 2006-2007 гг., с их дальнейшим развитием не оказали никакого влияния на рождаемость у женщин до 24 лет: она либо продолжила снижение у самых молодых женщин, либо, как в возрастах 22 и 23 года, стагнировала на одном уровне⁹. Если бы не относительный провал в значениях коэффициентов в 2005-2006 гг., то едва ли можно было бы заподозрить какое-либо ускорение в росте коэффициентов рождаемости у женщин старше 25 лет под воздействием новых мер демографической политики, введенных в действие в 2007 г. Практически линейный тренд дружного увеличения показателей для женщин всех возрастов старше 24-х лет наблюдался с 2000 года, а для тридцатилетних женщин рост обозначился еще раньше – в середине 1990-х (рисунок 3).

Эволюционная составляющая трансформации возрастной модели рождаемости в России явно преобладала над конъюнктурными моментами, и пронаталистская политика играет в новейших тенденциях второстепенную роль, подавая дополнительные сигналы для продолжения и ускорения тех же процессов, что и во всех развитых странах без исключения – трансформации возрастной (тайминговой) модели рождаемости в направлении более позднего материнства.

Трансформация возрастной модели массового репродуктивного поведения шла рука об руку с трансформацией института брака: молодые люди вступают в брак позже, чем два десятилетия назад, и потому естественно, что они начинают позже и процесс деторождения. Сходство тенденций в разных странах свидетельствует о том, что на изменения в экономических условиях функционирования домохозяйств, в общественном здоровье, в длительности получения образования, сферах приложения труда и др. люди откликаются поисками того участка жизненного пути, который в новых условиях наиболее удобен для рождения и воспитания детей. Вступление во взрослую жизнь и самоидентификация для

⁹ Правда, у апологетов политики стимулирования рождаемости, ищущих во всем положительные результаты такой политики, всегда наготове еще один аргумент: политика якобы «предотвратила или замедлила дальнейшее снижение рождаемости, которое наверняка продолжалось бы (происходило бы быстрее) в отсутствии стимулирующих мер». Этот аргумент на практике крайне трудно подтвердить или опровергнуть.

современной женщины уже не столь однозначно, как прежде, ассоциируется с замужеством и материнством [Захаров 2010]. Социально-демографические события в ее жизни выстраиваются в иной последовательности и концентрируются на других участках жизненного пути, да и сами жизненные пути становятся многообразнее [Митрофанова 2015].

Рисунок 3. Возрастные коэффициенты рождаемости для однолетних возрастных групп в расчете на 1000 женщин указанного возраста, Россия, 1979-2014

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Вначале отказ от рождения детей более высоких очередностей естественным образом вел к омоложению рождаемости. Но затем, когда малодетность получила всеобщее распространение, родители, по-видимому, стали осознавать, что для того, чтобы родить и вырастить одного, двоих или даже троих детей, уже нет необходимости начинать рожать детей до 25 лет, зачастую до или во время завершения образования и поиска первой работы, как это нередко случалось прежде. К тому же структура получаемого образования в России за последние два-три десятилетия резко сместилась в пользу более высоких ступеней: если

в женских поколениях 1950-1960-х годов рождения доля лиц с высшим образованием составляла 20%, то в поколениях 1970-х годов – приблизилась к 40%, а в поколениях 1980-х годов и позднее ожидается, что превысит половину¹⁰.

На первом этапе, когда рождаемость омолаживалась, Россия шла в том же направлении, что и все страны. В начале 1980-х годов, видимо, вслед за другими развитыми странами, обозначились признаки поворота в противоположную сторону. Однако семейная политика, активизировавшаяся в те годы, спровоцировала более раннее по возрасту и ускоренное, с более короткими интервалами, рождение потомства. Повышение среднего возраста материнства возобновилось только в середине 1990-х годов. В то время более раннее материнство можно было наблюдать только в Болгарии, на Украине и в Молдавии. И сегодня эти же страны, а также Белоруссия продолжают немного отставать от России в процессе перестройки возрастного профиля рождаемости, и все они, включая Россию, в свою очередь отстают от стран Балтии, Восточной и Центральной Европы, где постарение материнства началось, примерно, в то же время [Basten, Frejka et al. 2015]. Видимо, глубина и последовательность политических и экономических реформ в бывших социалистических странах играют значимую роль в отношении скорости и фундаментальности изменений массовых траекторий жизненных путей молодежи.

Средний возраст матери, в том числе по очередности рождения, представленный в динамике, дает обобщенное представление о векторе изменений (таблица 6). Средний возраст материнства в 2014 г. в России составил 28,12 года, в том числе при рождении первого ребенка – 25,30 года, второго ребенка – 29,53 года, третьего ребенка – 32,21 года. Эти показатели намного выше по своему значению не только тех, что наблюдались в 1990-х годах, когда они были минимальными за все послевоенное время, но и превышают значения для 1970-х и 1980-х годов. Для всех очередностей средний возраст материнства по сравнению с первой половиной 1990-х годов увеличился более чем на 3 года, а при рождении первенца – на 2,6 года.

В то же время нельзя не отметить, что в самые последние годы увеличение среднего возраста материнства притормозилось, а 2014 г. продемонстрировал первые признаки снижения возраста матери при рождении вторых и последующих детей. Возраст женщин при рождении первенца пока еще продолжает увеличиваться, но ближайшие перспективы продолжения этой тенденции не очевидны. Пока еще рано говорить о том, что трансформация возрастного профиля материнства в России повернула вспять в сторону омоложения. Однако данный факт подтверждает, что происходит ускорение темпов формирования окончательного размера потомства в семьях, и интервалы времени между появлением на свет детей в семьях, особенно между первым и вторым ребенком, сокращаются. Можно предположить, что ускорению темпов деторождения способствовала близость завершения государственных программ материнского капитала и пособий для поддержки многодетных семей. Такое объяснение массовой практики представляется вполне логичным, хотя прямые эмпирические доказательства отсутствуют. Широко

¹⁰ Согласно прогнозным оценкам сотрудников Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ, из молодежных когорт, завершающих среднее школьное образование в середине 2000-х годов, ожидаемая доля с вузовскими дипломами составит более 60% [Российский работник... 2011: 42-43].

разрекламированное решение правительства о продлении программы материнского капитала, принятое в конце 2015 г.¹¹, по той же логике, должно ослабить воздействие на интенсивность появления очередного ребенка в семьях.

Таблица 6. Средний возраст матери при рождении детей каждой очередности, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000-2014 гг., лет

Год	Все рождения	В том числе по очередности				
		первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и следующие
1980	25,67	22,99	27,33	30,07	31,81	35,49
1985	25,78	22,92	27,13	30,03	31,56	34,71
1990	25,24	22,65	26,86	29,95	31,64	34,38
1995	24,79	22,67	26,91	29,85	31,55	34,29
2000*	25,76	23,54	27,88	30,88	32,49	34,57
2001*	25,93	23,66	28,21	31,13	32,60	34,53
2002*	26,12	23,75	28,41	31,26	32,75	34,74
2003*	26,27	23,85	28,61	31,41	32,77	34,78
2004*	26,39	23,96	28,77	31,51	32,99	34,85
2005*	26,53	24,10	28,92	31,60	33,01	34,97
2006*	26,61	24,20	29,04	31,69	33,11	34,99
2007*	26,96	24,33	29,14	31,76	33,18	35,01
2008*	27,18	24,44	29,30	31,94	33,34	35,16
2009*	27,38	24,67	29,44	32,02	33,34	35,07
2010*	27,65	24,90	29,55	32,19	33,41	35,09
2011*	27,69	24,91	29,49	32,16	33,42	35,06
2012	27,85	25,01	29,52	32,21	33,38	34,99
2013	27,98	25,19	29,54	32,22	33,38	34,93
2014	28,12	25,30	29,53	32,21	33,33	34,86

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата с использованием в качестве весов коэффициентов рождаемости для однопольных возрастных групп.

*Примечания: * – Оценки для 2000-2011 гг. базируются на использовании неполных данных: только для тех территорий, которые сохраняли и предоставляли в Росстат разработку данных о рождениях одновременно по возрасту матери и очередности рождения.*

Подробную ежегодную динамику за 1980-е и 1990-е годы см.: [Население России... 2004: 47].

Торможение повышения возраста матери при повторных рождениях пока еще не проявилось в переломе долговременного тренда повышения вклада матерей старших возрастов в итоговую рождаемость. Если несколько десятилетий назад общий уровень рождаемости в России формировался более чем на половину за счет репродуктивной активности самых молодых женщин до 25 лет, то сегодня более зрелые в социальном отношении женщины вносят решающий вклад: все женщины старше 25 лет обеспечивают 2/3 величины коэффициента суммарной рождаемости, в том числе женщины старше 30 лет – более 1/3 его величины (таблица 7).

¹¹ Президент Путин 30 декабря 2015 г. подписал закон о продлении программы материнского капитала на 2 года (см.: Федеральный закон от 30.12.2015 № 433-ФЗ "О внесении изменения в статью 13 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512300055>. Дата обращения 04.04.2016).

Таблица 7. Вклад возрастных групп матерей в итоговую (суммарную) рождаемость, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000-2014, %

Год	Возраст матери, лет					Итого
	до 20	20-24	25-29	30-34	35 и старше	
1980	11,6	41,9	26,7	13,8	6,0	100,0
1985	11,5	40,0	27,4	14,5	6,6	100,0
1990	14,6	41,6	24,7	12,8	6,3	100,0
1995	16,8	42,3	24,9	11,1	4,9	100,0
2000	11,5	39,3	28,3	14,8	6,1	100,0
2001	11,2	38,2	28,7	15,6	6,3	100,0
2002	10,7	37,2	29,2	16,2	6,7	100,0
2003	10,5	36,0	29,7	16,7	7,1	100,0
2004	10,5	35,0	29,8	17,0	7,7	100,0
2005	10,5	34,0	30,0	17,4	8,1	100,0
2006	10,7	33,4	29,8	17,7	8,4	100,0
2007	9,9	31,3	30,4	19,0	9,4	100,0
2008	9,7	30,0	30,4	19,8	10,1	100,0
2009	9,2	29,0	30,8	20,4	10,6	100,0
2010	8,5	27,6	31,3	21,2	11,4	100,0
2011	8,6	27,5	31,1	21,2	11,7	100,0
2012	8,0	26,7	31,2	21,7	12,4	100,0
2013	7,7	26,1	31,2	22,1	12,9	100,0
2014	7,4	25,4	31,2	22,6	13,4	100,0

Источник: Расчеты автора на основе данных, приведенных в таблице 4.

Рисунок 4. Средний возраст материнства в городской и сельской местности России, 1980-2014, лет

Источник: [Демографический ежегодник России 2015] и расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Возрастной профиль рождаемости на протяжении двух десятилетий менялся у городского населения последовательнее и быстрее, чем у сельского, о чем свидетельствует сравнение значений среднего возраста матери при рождении ребенка. Более того, в самые последние годы увеличение среднего возраста матери в сельской местности было едва

заметным (рисунок 4). Именно жители села главным образом тормозят трансформацию возрастного профиля российской рождаемости. Если в сельской местности в 2014 г. средний возраст матери составил 26,9 года, что всего лишь менее чем на год превышает значения показателя, устойчиво поддерживавшиеся 3-4 десятилетия назад, то в городской местности этот показатель, достигший в 2014 г. 28,7 года, уже на 3 года выше уровня, наблюдавшегося в советский период.

Поскольку темпы постарения рождаемости в сельском населении были ниже, чем в городском, сельско-городские различия по этому показателю сильно увеличились. Если в конце советского периода в 1980-1990-х годах разница в среднем возрасте материнства в городах и селах была ничтожна (всего 0,3 года в пользу горожан), то к 2014 г. она возросла до 1,79 года. Можно ставить вопрос, не формируются ли в России, по крайней мере на временной основе, по сути две разные возрастные модели рождаемости: «модернизированная, постиндустриальная городская» (относительно более позднее родительство и более низкие нормы детности, эффективное планирование семьи) и «сельская, сохраняющая видовые черты прежнего, более традиционного прототипа» (относительно более раннее родительство, повышенные нормы детности, менее эффективное планирование семьи). Следует также напомнить, что сегодня сельское население регионов России по уровню рождаемости крайне неоднородно, этнокультурные различия и связанные с ними особенности протекания демографического перехода и социальной модернизации в целом продолжают играть в этом ведущую роль. Более того, различия между сельскими жителями субъектов РФ даже серьезно увеличились в последнее десятилетие [Население России... 2014: 100-102; 158-173; Население России... 2015: 90-91]. Дальнейшее развитие покажет, последует ли и как скоро за этапом увеличения сельско-городских и внутрисельских различий этап конвергентной динамики в российской рождаемости. Исторический опыт подсказывает, что на этапе быстрых изменений социально-демографических моделей поведения, в том числе и на временной основе, спровоцированных государственной политикой, более или менее продолжительное увеличение региональной неоднородности статистических индикаторов практически неизбежно. По мере того, как завоевывает право на существование и утверждается на массовом уровне рациональность выбора новых поведенческих практик, сглаживание социальных и территориальных различий становится доминирующей тенденцией.

3. ДЛИТЕЛЬНАЯ СТАГНАЦИЯ ВЕРОЯТНОСТИ ПЕРВЫХ РОЖДЕНИЙ И РОСТ МНОГОДЕТНОСТИ

Низкий уровень рождаемости в России связан с массовым распространением однодетной семьи и соответственно с очень высокой долей первенцев в общем числе родившихся.

Распределение рождений по очередности у матери – важнейшая исходная информация для углубленного изучения рождаемости и оценки таких важнейших ее характеристик, как вероятности увеличения семьи. К сожалению, с 1999 по 2011 г. исследователи были лишены возможности полноценно использовать этот индикатор для характеристики рождаемости в России. Закон об актах гражданского состояния, принятый в 1997 г. (Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. №143-ФЗ) не предусматривал записи о

порядковом номере рождения у матери в актовой записи о рождении (исходном для отечественной статистики документе). Отсутствие сведений о биологическом порядке рождения у матери не соответствовало международной и предыдущей отечественной практике. Непрерывные динамические ряды основополагающих характеристик рождаемости неожиданно оказались прерванными.

Таблица 8. Итоговая (суммарная) рождаемость для каждой очередности рождения* на одну женщину, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000-2014

Год	Дети по очередности рождения					Итоговая рождаемость (дети всех очередностей)*
	первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и следующие	
1980	0,967	0,643	0,147	0,048	0,061	1,866
1985	0,964	0,758	0,214	0,060	0,055	2,051
1990	0,995	0,624	0,178	0,052	0,045	1,893
1995	0,802	0,387	0,098	0,029	0,021	1,337
2000**	0,702	0,358	0,092	0,026	0,018	1,195
2001**	0,720	0,368	0,090	0,027	0,018	1,223
2002**	0,742	0,394	0,099	0,028	0,019	1,281
2003**	0,758	0,412	0,103	0,028	0,018	1,319
2004**	0,772	0,420	0,105	0,029	0,018	1,344
2005**	0,743	0,406	0,100	0,028	0,017	1,294
2006**	0,753	0,409	0,100	0,027	0,016	1,305
2007**	0,761	0,475	0,125	0,033	0,020	1,416
2008**	0,787	0,515	0,143	0,037	0,020	1,502
2009**	0,801	0,535	0,147	0,038	0,021	1,542
2010**	0,786	0,564	0,156	0,040	0,021	1,567
2011**	0,781	0,574	0,164	0,041	0,022	1,583
2012	0,809	0,620	0,189	0,047	0,026	1,691
2013	0,811	0,625	0,198	0,049	0,025	1,708
2014	0,799	0,658	0,212	0,053	0,027	1,750

Источник: Расчеты автора с использованием коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп. При расчете показателей для 1995, 2000-2003 гг. была исключена Чечня.

Примечания:

* – Среднее число детей каждой очередности, которое предстоит родить одной женщине к возрасту 50 лет при условии неизменности текущей возрастной интенсивности деторождения и структуры рождений по очередности. Сумма показателей для всех очередностей дает традиционный показатель итоговой (суммарной) рождаемости условного поколения (тот же, что в таблице 4).

** – Оценки для 1999-2011 гг. базируются на использовании неполных данных: только для тех территорий, которые сохраняли разработку данных о рождениях одновременно по возрасту и очередности рождения. Подробную ежегодную динамику за 1980-е и 1990-е годы см.: [Население России... 2007: 81-82].

Тем не менее многие территориальные статистические органы продолжали на добровольной основе собирать соответствующую информацию и предоставлять ее в Росстат. На то, что такая деятельность приходила в противоречие с законом, и государственные органы, и специалисты дружно закрывали глаза, понимая абсурдность сложившейся ситуации. Состав российских территорий, продолжавших вести наблюдение за распределениями родившихся по очередности рождения, год от года менялся, но, поскольку регионы представляли все географические зоны России и обеспечивали до 70% и выше всех рождений в стране, это позволяло С.В. Захарову, Е.М. Андрееву (а также

коллегам, поддерживающих известную международную базу данных по рождаемости – Human Fertility Database) с известными оговорками распространять соотношения, полученные на неполных данных, на всю Россию. В таблицах 8-9 представлены конечные результаты наших расчетов.

Распределения родившихся по очередности рождения у матери за 2012 г. впервые после более чем десятилетнего перерыва оказались доступны для всех российских территорий. Поэтому наши оценки показателей российской рождаемости с учетом очередности рождения за 2012 и последующие годы полностью сопоставимы с оценками, полученными для периода до 1999 г.

Уже в 2001-2005 гг., т.е. до начала политики по стимулированию рождаемости, наблюдалось медленное повышение вклада в общую динамику рождаемости вторых и третьих рождений при медленном снижении вклада первенцев. Одновременно снижался вклад четвертых и следующих рождений.

Таблица 9. Вклад каждой очередности рождения в итоговую (суммарную) рождаемость, %, и средняя очередность рождения, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000-2014

Год	Дети по очередности рождения					Итого	Средняя очередность рождения*
	первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и следующие		
1980	51,8	34,5	7,9	2,5	3,3	100,0	1,74
1985	47,1	36,9	10,4	2,9	2,7	100,0	1,80
1990	52,5	33,0	9,4	2,7	2,4	100,0	1,72
1995	60,0	28,9	7,3	2,2	1,6	100,0	1,58
2000	58,7	29,9	7,7	2,2	1,5	100,0	1,59
2001	58,9	30,1	7,4	2,2	1,4	100,0	1,59
2002	57,9	30,8	7,7	2,2	1,4	100,0	1,60
2003	57,5	31,2	7,8	2,1	1,4	100,0	1,60
2004	57,5	31,3	7,8	2,1	1,3	100,0	1,60
2005	57,4	31,4	7,8	2,1	1,3	100,0	1,60
2006	57,7	31,3	7,7	2,0	1,2	100,0	1,59
2007	53,8	33,6	8,9	2,4	1,4	100,0	1,65
2008	52,4	34,3	9,5	2,5	1,4	100,0	1,68
2009	52,0	34,7	9,5	2,5	1,4	100,0	1,68
2010	50,1	36,0	10,0	2,5	1,4	100,0	1,70
2011	49,4	36,2	10,4	2,6	1,4	100,0	1,72
2012	47,9	36,7	11,1	2,8	1,5	100,0	1,75
2013	47,5	36,6	11,6	2,8	1,5	100,0	1,76
2014	45,7	37,6	12,1	3,0	1,6	100,0	1,79

Источник: Расчеты автора на основе данных, приведенных в таблице 8.

Примечания: * – Показатель рассчитан как средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты коэффициенты суммарной рождаемости для каждой очередности. Подробную ежегодную динамику за 1980-е и 1990-е годы см.: [Население России 2007: 82-83].

В 2007-2014 гг. структура рождаемости по очередности стала меняться более динамично. Ожидаемая итоговая рождаемость для первых рождений по сравнению с 2006 г. изменилась незначительно, а рождаемость вторых и последующих детей существенно возросла (таблица 8). Малозначимо, но вырос даже вклад четвертых и пятых рождений. За счет существенного увеличения вклада повторных рождений в общую рождаемость

структура рождаемости по очередности рождений практически вернулась к уровню середины 1980-х годов (таблица 9).

Снижение долей первых и одновременно четвертых и последующих рождений длительное время взаимно компенсировали друг друга, так что средняя очередность рождения (COP)¹² в 1993-2006 гг. колебалась вокруг одного и того же уровня – 1,6 (таблица 9). Структурные изменения рождаемости в 2007-2014 гг. вызвали увеличение COP до 1,79, что может трактоваться как свидетельство определенного успеха политики по стимулированию рождаемости, проводимой в последние годы. Дело в том, что COP как статистический индикатор уровня рождаемости выступает в качестве неплохого предиктора величины итоговой рождаемости реальных поколений¹³. Эмпирическое доказательство этому утверждению представлено на рисунке 5, где показатели итоговой рождаемости для реальных поколений сравниваются с показателями для условных поколений - КСР и COP.

Для реальных поколений женщин расхождений между средней очередностью рождений и итоговым показателем рождаемости не может быть, это по сути один и тот же показатель – среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину к концу детородного периода. Для условных поколений в случае плавных изменений возрастной модели рождаемости и стабильной доли ни разу не рожавших женщин расхождения между показателями также минимальны, как это, например, имело место в 1980 и 1990 г. (расхождения менее 0,2 рождений на одну женщину).

Однако в случае резких изменений календаря рождений у многих женщин или, иначе, резких изменений средних темпов формирования окончательного размера потомства в реальных поколениях расхождения между этими интегральными характеристиками уровня рождаемости для условных и реальных поколений становятся неизбежными, причем они тем больше, чем значительнее меняются средние темпы формирования семьи. Напомним, что и КСР и COP – показатели для условных поколений, и следовательно они должны трактоваться как *ожидаемые* характеристики итоговой величины рождаемости поколений. В случае повышенных темпов (дети рождаются у родителей в более молодом

¹² Средняя очередность рождения рассчитывается как средняя арифметическая взвешенная величина биологического порядка рождений у матери, весами для которой служат коэффициенты суммарной рождаемости условного поколения для каждой очередности рождения.

¹³ Включение тем или иным способом в расчет показателей рождаемости, дифференцированных по очередности рождения, существенно уменьшает зависимость показателей итоговой рождаемости для условных поколений (календарных лет) от кратковременных или более долговременных изменений в календаре рождений, происходящих в реальных поколениях. Так, считается, что показатель, характеризующий средний порядок рождения у матери (*Period Average Parity, PAP*), полученный на основе вероятностей очередного рождения из специальных таблиц рождаемости для условных поколений, является одной из наилучших альтернатив традиционному коэффициенту суммарной рождаемости (см., например: [Rallu, Toulemon 1994a,b; Suzuki 2007; Buber et al. 2012]). Показатель COP, обсуждаемый здесь, конечно уступает по своим эвристическим возможностям показателям, полученным на основе специальных таблиц рождаемости с учетом очередности рождения и интервалов между рождениями. Тем не менее он, оставаясь индикатором для условных поколений, будет, во-первых, заведомо более устойчив к влиянию изменений в возрастном профиле (календаре) деторождения, искажающих общую оценку уровня рождаемости, которую дает КСР, а во-вторых, он подкупающе прост для расчетов на основе данных текущей статистики (не требует построения сложных мультистатусных таблиц), что позволяет его широко использовать в сравнительных целях.

возрасте, с более короткими интервалами между рождениями, чем прежде) коэффициент суммарной рождаемости дает *завышенную* оценку действительного уровня рождаемости и, соответственно, превышает СОР, который выступает в роли более консервативного индикатора ожидаемого уровня рождаемости для реальных поколений. Пример тому - ситуация середины 1980-х годов, когда введенные в действие в 1981 г. меры семейной политики, в первую очередь, отпуска по уходу за ребенком, вызвали дезорганизацию прежнего календаря рождений среднестатистической женщины – значительное число женщин 1960-х годов рождения поспешило родить детей, в особенности вторых детей, на несколько лет раньше (снижался возраст матерей, уменьшался интервал между рождениями). КСР подскочил с 1,89 в 1980 г. до 2,23 в 1987 г. или более чем на 0,3 ребенка в расчете на одну женщину. В действительности демографический эффект от этих мер политики был куда менее значимым, поскольку семьи не столько поменяли свои намерения в отношении окончательного размера своего потомства, сколько пересмотрели «расписание» их появления на свет, на что и указывает слабая реакция показателя СОР (1,74 в 1980 г. и 1,83 в 1987 г., разница всего в 0,09 ребенка, очень близкая по величине к оценке положительного влияния политики на величину итоговой рождаемости реальных поколений; подробнее см.: [Захаров 2006]).

Рисунок 5. Индикаторы итоговой рождаемости условных и реальных поколений, Россия, рождений на одну женщину

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата для однолетних возрастных групп.

Примечания: КСР – коэффициент суммарной рождаемости для календарных лет;
СОР – средняя очередность рождения для календарных лет;
итоговая рождаемость (фактическая) – для женских поколений 1954-1974 годов рождения;
итоговая рождаемость (ожидаемая при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости, наблюдаемых в 2014) – для женских поколений 1974-1989 годов рождения.

В 1990-х годах наблюдалась обратная картина – показатель средней очередности рождения заметно превышал коэффициент суммарной рождаемости, что свидетельствует о существенном замедлении темпов формирования семьи – женщины, родившиеся в 1970-х и 1980-х годах, стали обзаводиться детьми позднее, чем предыдущие поколения. В итоге КСР, оцененный для календарных лет (для условных поколений), давал *заниженную* оценку ожидаемой величины итоговой рождаемости поколений, переживающих процесс трансформации возрастной модели рождаемости в сторону более позднего материнства.

С 2000 г. увеличивающийся коэффициент суммарной рождаемости сближается по своей величине со средней очередностью рождения, демонстрировавшей большую стабильность на протяжении последних десятилетий. Не свидетельствует ли данная тенденция о завершении наиболее динамичного этапа формирования новой, более поздней модели рождаемости в России, при которой уровень итоговой рождаемости реальных поколений меняется мало?

Опираясь на усредненную оценку СОР для последних 10 лет, можно предположить, что если не будет происходить дальнейшее повышение доли окончательно бездетных женщин (т.е. ни разу не рожавших живого ребенка) и структура матерей по числу рождений не будет меняться, то итоговая рождаемость реальных женских поколений, находящихся сейчас вблизи среднего возраста материнства 27-28 лет (т.е. родившихся во второй половине 1980-х годов), составит около 1,7 ребенка в расчете на одну женщину. В случае, если тенденция к росту СОР, отмеченная в после 2006 г., сохранится, то, казалось бы, можно рассчитывать и на несколько более высокий результат для этих поколений (напомним, что СОР для 2014 г. была близка к 1,8; см. таблицу 9). Однако этому оптимистическому сценарию противостоит устойчивая тенденция снижения вероятности первых рождений в реальных поколениях, о чем пойдет речь ниже.

Наиболее корректную оценку вероятности, с которой в данном календарном году происходило рождение детей той или иной очередности у матерей всех возрастов, дает показатель, называемый в демографии *вероятностью увеличения семьи* (в англоязычной литературе – *Parity Progression Ratio, PPR*), - доля женщин, родивших очередного ребенка в текущем году, среди тех, кто уже родил на одного ребенка меньше (например, вероятность рождения первого ребенка – это доля женщин, родивших первого ребенка в расчетном году, среди ни разу не рожавших женщин к началу года, а вероятность третьего ребенка – доля двухдетных матерей, рожающих в данном году третьего ребенка). Данный показатель получается на основе построения специальных таблиц рождаемости по очередности рождения - модели, аналогичной таблице дожития (смертности), в которой совокупностями, убывающими с возрастом, выступают числа женщин с тем или иным числом фактически рожденных детей. Для получения ежегодных оценок вероятностей родить очередного ребенка используется последовательная год за годом когортная передвижка распределения женщин по числу когда-либо рожденных детей на основе ежегодных распределений рождений по возрасту матери и очередности рождения, которые предоставляет текущий статистический учет, а также ежегодных изменений численностей когорт ввиду смертности и миграции, оцениваемых Росстатом.

Наши годовые оценки вероятностей увеличения семьи за последние 35 лет с оговоркой, что за период 1999-2011 гг. расчеты базируются на неполных данных¹⁴, представлены на рисунке 6.

Рисунок 6. Итоговая вероятность увеличения семьи по очередности рождения для женщины к возрасту 50 лет, Россия, 1979-2014

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Примечание: За 1999-2011 гг. оценка произведена на основе данных по территориям, представившим в Росстат сведения о рождениях одновременно по возрасту матери и очередности рождения.

В первой половине 1980-х годов вероятность следующего рождения повышалась для детей всех очередностей, что было очевидной реакцией на инновационные меры семейной политики (в частности, введение отпусков по уходу за ребенком, в том числе частично оплачиваемых, льгот при предоставлении жилья и др.), но затем движение пошло в противоположном направлении. Во второй половине 1980-х годов стремительно откладывались (и, видимо, частично так и не реализовались) рождения не только вторых и последующих детей, но даже и первенцев. Ситуация начала выправляться лишь в середине 1990-х годов. Начиная с 1994 г. медленно, но монотонно поползла вверх вероятность рождения третьих и четвертых детей, с 2000 г. — вероятность вторых рождений. Вероятности появления на свет первых и пятых детей сохранялись на уровне 1999 г.

Под воздействием новых мер демографической политики в 2007 г. произошел скачок вероятностей рождения детей всех очередностей, кроме первенцев. В 2008 г. рост вероятностей рождения для вторых, третьих и четвертых детей продолжился, а повышение вероятности рождения пятых и последующих детей прекратилось. В 2009 г. вероятность вторых рождений продолжала увеличиваться, но с замедлением темпов, рост вероятности третьих рождений прекратился, а вероятности четвертых и последующих рождений пошли на спад. В 2010 г. увеличилась только вероятность вторых и, в небольшой мере, третьих

¹⁴ Фактически российские данные стали неполными не в 1999 г., а еще раньше: в 1993-1994 гг. не собиралась информация по Ингушетии, в 1993-2003 гг. — по Чечне.

рождений. В 2011 г. вероятность вторых рождений продолжила тенденцию замедляющегося роста, едва заметно увеличились вероятности рождения всех последующих детей. В 2012 г. вновь подскочили вероятности рождения детей всех очередностей, причем вторых, третьих и четвертых – весьма существенно, повторяя ситуацию скачка, произошедшего в 2007 г. В 2013 г. наблюдался слабый и примерно одинаковый прирост вероятностей рождения вторых, третьих детей. В еще меньшей степени прирост затронул вероятность рождения первого ребенка, а вероятность четвертых и пятых рождений за год снизилась. Наконец, в 2014 г. мы вновь отмечаем снижение вероятности рождения первого ребенка при относительно слабом приросте вероятности вторых и третьих рождений (соответственно на 2 и 1,5 п.п.) и еще более слабом приросте вероятности четвертых и последующих рождений (менее 1 п.п.).

В отношении вероятности первых рождений следует констатировать продолжение длительного, пятнадцатилетнего периода стагнации этого показателя с колебаниями в пределах 0,82 - 0,85. Таким образом, заметный прирост с конца 1990-х годов итоговой рождаемости для условных поколений никак не связан с повышением шансов появления в семьях первенцев.

Ситуация с вероятностью рождения первенцев настораживает, ведь если не происходит ее увеличения, то сужается база для дальнейшего роста вторых и последующих детей. Если интенсивность рождения первенцев будет продолжать оставаться на том же уровне, что в 1999-2014 гг., то ожидаемая величина окончательно бездетных женщин (не имевших ни одного живорождения к возрасту 50 лет) составит в среднем 16% (от 15 до 18%). Если допустить эту величину неизменной, то чтобы достигнуть средней величины итоговой рождаемости в 2,1 рождения на одну представительницу поколения (пороговое значение, гарантирующее простое замещение поколений), необходимо, чтобы на одну когда-либо рожавшую женщину приходилось в среднем 2,5 рождения (а на женщину, когда-либо состоявшую в браке, еще больше). При таких условиях каждая вторая семья с детьми (родительская семья) должна иметь не менее трех детей. Учитывая сегодняшнее положение вещей, такую ситуацию представить себе трудно: согласно специальной таблице рождаемости для 2014 г. мы ожидаем, что на одну когда-либо рожавшую женщину к возрасту 50 лет будет приходиться в среднем 2,0 рождения, а среди них доля женщин, родивших одного ребенка, составит 34%, двоих детей – 41%, трех и более – 25%. В то же время, если бы доля ни разу не рожавших женщин уменьшилась до уровня 6-7% (устойчиво поддерживавшегося в 1970-1980-х гг.), то для достижения желаемой величины КСР 2,1 в расчет на одну женщину достаточно было бы иметь 2,2 рождения в расчете на одну женщину, когда-либо ставшую матерью. Доля двухдетных семей в таком случае продолжала бы существенно доминировать в населении над семьями с тремя и более детьми. Теоретически и практически такую ситуацию гораздо легче себе представить для будущей России, учитывая, что по данным многочисленных опросов общественного мнения именно двухдетная семья была и остается наиболее желанной.

Рисунок 7. Ожидаемое распределение женщин по числу рожденных детей к возрасту 50 лет при сохранении уровня рождаемости расчетного года, Россия, 1979-2014, %

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Ожидаемое распределение женщин по числу когда-либо рожденных детей к возрасту 50 лет в соответствии со специальными таблицами рождаемости для условных поколений 1980-2014 гг. представлено на рисунке 7. При сохранении вероятностей увеличения семьи для каждой очередности рождения, зафиксированных в 2014 г., доля женщин, родивших одного ребенка в течение жизни, среди всех женщин (рожавших и не рожавших) составит 28% против 44% в 2006 г. и 49% в 1999-2000 гг. (исторический максимум). Доля женщин с двумя рождениями ожидается на уровне 35% (31% в 2006 г., 28% в 1999-2000 гг.). Наконец, долю женщин с тремя и более рождениями можно ожидать на уровне 21% (8% в 2006 г., 6% в 1999-2000 гг.). Обращает на себя внимание более чем трехкратный рост ожидаемой доли многодетных, преимущественно трехдетных семей, произошедший с конца 1990-х годов. В то же время не очевидно, в какой мере этот рост может быть объяснен успехами проводимой политики по «стимулированию рождаемости» (по крайней мере, восходящий тренд обозначился задолго до активизации демографической политики), и, что еще более важно, мы не готовы уверенно ответить на вопрос, носят ли структурные изменения в российской рождаемости конъюнктурный или долговременный характер.

Если мы оставим в стороне бездетных женщин и сконцентрируем наше внимание на изменении структуры по ожидаемому числу рожденных детей для матерей, т.е. для женщин когда-либо родивших живого ребенка, то в тридцатилетней ретроспективе увеличение доли многодетных, наблюдаемое в последние 10 лет, не выглядит столь уж впечатляющим (рисунок 8). Во-первых, в период активизации демографической политики в 1980-е годы прирост доли женщин с тремя и более детьми был примерно таким же, а сама доля достигла в пиковом 1987 г. 30%, т.е. более высокого значения, чем сегодня, но на котором удержаться тогда она не смогла. Во-вторых, картина, представленная на рисунке 8, скорее свидетельствует в пользу представлений о «компенсаторно-восстановительной» динамике структуры российской рождаемости по очередности рождений после возмущений,

пережитых в 1980-х и 1990-х годах, нежели о радикальных подвижках, вызванных мерами демографической политики, принявшей открыто пронаталистский характер во второй половине 2000-х годов.

Рисунок 8. Ожидаемая доля матерей (женщин, родивших не менее одного живого ребенка) с указанным числом рожденных детей к возрасту 50 лет при сохранении уровня рождаемости расчетного года, Россия, 1979-2014

Источник: Расчеты автора на основе данных, приведенных на рисунке 7.

ЛИТЕРАТУРА

- Демографический ежегодник России 2000 (2000). М.: Госкомстат.
- Демографический ежегодник России 2015 (2015). М.: Росстат.
- Захаров С.В., Е.И. Иванова (1996). Региональная дифференциация рождаемости в России: 1959-1994 // Проблемы прогнозирования. 4: 109-130.
- Захаров С.В. (2006). Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 5: 33-69.
- Захаров С.В. (2010). Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 4: 166-193.
- Захаров С.В., Е.В. Чурилова (2013). Феномен одинокого материнства в России // Мир России. 4(22): 86-117.
- Митрофанова Е.С. (2015). Возрастные особенности наступления стартовых демографических событий российских поколений // Народонаселение. 2: 87-100.
- Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад (2004) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Издательство КДУ.
- Население России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад (2006) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Наука.

- Население России 2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад (2007) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России 2008. Шестнадцатый ежегодный демографический доклад (2010) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад (2011) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России 2010-2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад (2013) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад (2014) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России 2013. Двадцатый ежегодный демографический доклад (2015) / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Российский работник: образование, профессия, квалификация (2011) / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Слонимчик Ф., А. Юрко (2015). Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2(3): 30-68.
- Фрейка Т., С.В. Захаров (2014). Эволюция рождаемости за последние полвека в России // Демографическое обозрение. 1(1): 106-143.
- Biryukova S., O.V. Sinyavskaya, I. Nurimanova (2016). Estimating effects of 2007 family policy changes on probability of second and subsequent births in Russia // NRU Higher school of economics. Basic research program working papers. Series: sociology. WP BRP68/Soc/2016. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/02/03/1137672794/68SOC2016.pdf> (дата обращения 07.04.2016).
- Basten S., T. Frejka, co-ordinating authors (2015). The project prospects for a fertility increase in the formerly socialist countries of Central and Eastern Europe (CEEfamily). Department of Social policy and intervention. University of Oxford (UK). Barnet papers in social research. working paper. 15-01. Oxford, 2015 (February).
- Bosveld W. (1996). The ageing of fertility in Europe. A comparative demographic-analytic study. Amsterdam: Thesis Publishers.
- Buber I., T. Sobotka, A. Prskawetz, H. Engelhardt, R. Gisser (2012). Austria: stable and low fertility // Online handbook of demography. Berlin: The Berlin institute for population and development. URL: <http://www.berlin-institut.org/online-handbuchdemografie/bevoelkerungsdynamik/regionale-dynamik/austria.html> (дата обращения 07.04.2016).
- Chirkova S. (2013). Do pro-natalist policies reverse depopulation in Russia? University of Santiago working paper. URL: <http://www.sole-jole.org/14223.pdf> (дата обращения 07.04.2016).
- Frejka T., T. Sobotka, J. Hoem, L. Toulemon, eds (2008). Childbearing trends and policies in Europe // Demographic research. Special collection 7. Vol.19: 1-1178.
- Rallu J.-L., L. Toulemon (1994a). Period fertility measures. The construction of different indices and their application to France, 1946-1989 // Population (English selection). Vol.6: 59-93.
- Rallu J.-L., L. Toulemon (1994b). Period fertility measures. The author's reply // Population (English selection). 6: 123-130.

- Sobotka T. (2004). Postponement of childbearing and low fertility in Europe. University of Groningen. Amsterdam: Dutch University Press.
- Sobotka T. (2011). Fertility in Central and Eastern Europe after 1989. Collapse and gradual recovery // Historical social research (special issue Fertility in the 20th Century: trends, policies, theories, discourses). 36(2): 246-296.
- Suzuki T. (2007). Difference between TFR and parity progression measure of fertility // The Japanese journal of population. 5(1):12-18.

THE MODEST RESULTS OF THE PRONATALIST POLICY AGAINST THE BACKGROUND OF LONG-TERM EVOLUTION OF FERTILITY IN RUSSIA. PART 1

SERGEI ZAKHAROV

The idea of the extraordinary growth of fertility in Russia is widespread in the Russian expert community and media space. This increase is believed to be indicative of the positive results of the special financial measures taken by the State after 2006 in order to stimulate the rise of fertility level.

The author's viewpoint is more reserved. There are some positive developments, but their significance is quite insufficient to face the pink glasses on the future of Russian fertility and reproduction of population of the country.

With this paper, the author continues his previous long-term research in the field of in-depth demographic analysis of Russian fertility involving the latest official statistical data for 2014. The paper provides an overview of the trends of key fertility indicators in a few decades, as well as develops some methodological issues of the cohort fertility analysis in order to obtain more reliable projections.

The article consists of two interrelated parts.

In the first part, presented in this issue of the Journal, the author examines period fertility indicators (for calendar years), taking into account the latest changes in the structural characteristics of the Russian model of fertility that have occurred over the past several decades.

In the second part of the article, which will be presented in the next issue of the Journal, the author analyses cohort fertility indicators of generations of women, whose the actual and the expected reproductive activity has occurring in the second half of the XX - the first decades of the XXI century.

Key words: fertility, birth order, period fertility, cohort fertility, fertility projections, demographic policy, pronatalist family policy in Russia.

SERGEI V. ZAKHAROV (szakharov@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE RESULTS OF THE PROJECT "DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA IN 2005-2015 IN THE CONTEXT OF LONG-TERM TRENDS", CARRIED OUT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2016, ARE PRESENTED IN THIS PAPER.

DATE RECEIVED: APRIL 2016.

REFERENCES

- Basten S., T. Frejka, co-ordinating authors (2015). The project prospects for a fertility increase in the formerly socialist countries of Central and Eastern Europe (CEEfamily). Department of Social policy and intervention. University of Oxford (UK). Barnet papers in social research. working paper. 15-01. Oxford, 2015 (February).
- Biryukova S., O.V. Sinyavskaya, I. Nurimanova (2016). Estimating effects of 2007 family policy changes on probability of second and subsequent births in Russia // NRU Higher school of economics. Basic research program working papers. Series: sociology. WP BRP68/Soc/2016. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/02/03/1137672794/68SOC2016.pdf> (дата обращения 07.04.2016).

- Bosveld W. (1996). The ageing of fertility in Europe. A comparative demographic-analytic study. Amsterdam: Thesis Publishers.
- Buber I., T. Sobotka, A. Prskawetz, H. Engelhardt, R. Gisser (2012). Austria: stable and low fertility // Online handbook of demography. Berlin: The Berlin institute for population and development. URL: <http://www.berlin-institut.org/online-handbuchdemografie/bevoelkerungsdynamik/regionale-dynamik/austria.html> (accessed: 07.04.2016).
- Chirkova S. (2013). Do pro-natalist policies reverse depopulation in Russia? University of Santiago working paper. URL: <http://www.sole-jole.org/14223.pdf> (accessed: 07.04.2016).
- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2000 [Demographic yearbook of Russia 2000] (2000). Moscow: Goskomstat.
- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2015 [Demographic yearbook of Russia 2015] (2015). Moscow: Rosstat.
- Frejka T., S.V. Zakharov (2014). Evolyutsiya rozhdaemosti za poslednie polveka v Rossii [Fertility trends in Russia during the past half century: period and cohort perspectives] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 1(1): 106-143.
- Frejka T., T. Sobotka, J. Hoem, L.Toulemon, eds (2008). Childbearing trends and policies in Europe // Demographic research. Special collection 7. Vol.19: 1-1178.
- Mitrofanova E.S. (2015). Vozrastnye osobennosti nastupleniya startovykh demograficheskikh sobytiy rossiyskikh pokoleniy [Age specifics of the occurrence of starting demographic events among Russian generations] // Narodonaselenie [Population]. 2: 87-100.
- Naselenie Rossii 2002. Desyatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2002. Tenth annual demographic report] (2004) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izdatelstvo KDU.
- Naselenie Rossii 2003-2004. Odinnadtsatyy-dvenadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2003-2004. Eleventh-twelfth annual demographic report] (2006) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Nauka.
- Naselenie Rossii 2005. Trinadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2005. Thirteenth annual demographic report] (2007) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Naselenie Rossii 2008. Shestnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2008. Sixteenth annual demographic report] (2010) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Naselenie Rossii 2009. Semnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2009. Seventeenth annual demographic report] (2011) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Naselenie Rossii 2010-2011. Vosemnadtsatyy-devyatnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2010-2011. Eighteenth-nineteenth annual demographic report] (2013) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Naselenie Rossii 2012. Dvadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2012. Twentieth annual demographic report] (2014) / Otv. red. A.G. Vishnevskiy [A.G. Vishnevsky, ed.]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.

- Naselenie Rossii 2013. Dvadsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2013. Twenty first annual demographic report] (2015) / S.V.Zakharov, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Rallu J.-L., L. Toulemon (1994a). Period fertility measures. The construction of different indices and their application to France, 1946-1989 // Population (English selection). Vol.6: 59-93.
- Rallu J.-L., L. Toulemon (1994b). Period fertility measures. The author's reply // Population (English selection). 6: 123-130.
- Rossiyskiy rabotnik: obrazovanie, professiya, kvalifikatsiya [Russian worker: education, profession, qualification] (2011) / V.E. Gimpelson, R.I. Kapelushnikov, eds. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Slonimczyk F., A. Yurko (2015). Otsenka vliyaniya politiki materinskogo kapitala v Rossii [Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 2(3): 30-68 (Russian translation from: Slonimczyk F., A.Yurko (2014). Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia //Labour Economics. 30:265-281).
- Sobotka T. (2004). Postponement of childbearing and low fertility in Europe. University of Groningen. Amsterdam: Dutch University Press.
- Sobotka T. (2011). Fertility in Central and Eastern Europe after 1989. Collapse and gradual recovery // Historical social research (special issue Fertility in the 20th Century: trends, policies, theories, discourses). 36(2): 246-296.
- Suzuki T. (2007). Difference between TFR and parity progression measure of fertility // The Japanese journal of population. 5(1):12-18.
- Zakharov S.V. (2006). Demograficheskiy analiz effekta mer semeynoy politiki v Rossii v 1980-kh gg. [Demographic analysis of the effect of family policy measures in Russia in the 1980s] // SPERO. Sotsial'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory [SPERO. Social policy: expertise, recommendations, overviews]. 5 (Fall-winter): 33-69.
- Zakharov S.V. (2010). Tsennostno-normativnye «raspisaniya» chelovecheskoy zhizni: predstavleniya zhiteley raznykh stran o tom, kogda devushka stanovitsya vzrosloy [Value-normative schedule of human life: views of people from different countries about when a girl becomes an adult] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [The monitoring of public opinion: economic and social changes journal]. 98(4) (July-august): 166-193.
- Zakharov S.V., E.I. Ivanova (1996). Regional'naya differentsiatsiya rozhdaemosti v Rossii: 1959-1994 [Regional fertility differentiation in Russia: 1959-1994] // Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian economic development]. 7(4): 109-130.
- Zakharov S.V., E.V. Churilova (2013). Fenomen odinokogo materinstva v Rossii [Single motherhood in Russia: statistical and demographic analysis of its prevalence and formation patterns] // Mir Rossii [Universe of Russia]. 4(22): 86-117.